

Литературоведение

Научная статья

УДК 82.01

DOI 10.17223/18137083/88/8

Миф о поэте в русской литературе: А. С. Пушкин

Анатолий Самуилович Собенников

Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений
ВА МТО имени генерала армии А. В. Хрулева
Санкт-Петербург, Петергоф, Россия
assoben52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8202-4043>

Аннотация

Рассматривается культ поэта и поэзии в пушкинскую эпоху. Отмечается особое значение Ветхого Завета и орфического мифа для современников Пушкина. Утверждается, что пушкинский биографический миф способствовал мифологизации роли поэта в мире. Два инварианта мифа – пророческий и орфический – мы связываем именно с Пушкиным. Оба инварианта следует отличать от «образа художника». Большую роль в мифологизации играли оценки авторитетных представителей искусства, включение пушкинских текстов в «книги для народа», школьные и вузовские учебники. От Пушкина – два течения в русской литературе, условно назовем их «учительное» и «эстетическое».

Ключевые слова

миф, поэт, пророк, романтизм, дискурс, интерпретация, Ветхий Завет, Орфей, А. С. Пушкин

Для цитирования

Собенников А. С. Миф о поэте в русской литературе: А. С. Пушкин // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 125–135. DOI 10.17223/18137083/88/8

The myth of the poet in Russian literature: Alexander Pushkin

Anatoly S. Sobennikov

Military Transport Institute of Railway Troops and Transportation Service
St. Petersburg, Peterhof, Russian Federation
assoben52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8202-4043>

Abstract

The myth of the poet holds great significance in Russian culture. Mythopoetic discourse views time as cyclical, with past events recurring in the present and future. The myth of the poet carries a socio-biographical subtext. For example, it can be seen in the famous poem

© Собенников А. С., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 125–135
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 3, pp. 125–135

by Wilhelm Küchelbecker “The fate of Russian poets.” The premature, tragic passings of Alexander Pushkin, Mikhail Lermontov, Kondraty Ryleev, and Alexander Polezhaev are seen as part of the “sacred sacrifice” narrative. Russian poetry encompasses two unchanging elements of the myth: Orphic and Old Testament. Mass consciousness commonly relates both elements to Pushkin (“Prophet,” “Poet,” “To the Poet,” “The Poet and the Mob”). This relationship was established through the reception of Pushkin’s texts by his contemporaries, as well as the incorporation of these texts into “books for the people” and educational materials at schools and universities. Poetic inspiration in Pushkin’s writing distinguishes the Poet from the rest of society. The Poet possesses distinctiveness, uniqueness, and dissimilarity, with his inspiration (Muse) coming from God. The “Monument” (1836) explicitly states: “O Muse, obey the command of God.” Pushkin’s discourse is known for its myth-generating nature. The key connotative implications of the primary model are *chosenness, sacredness, affection for poverty, solitude, instruction, and service*. Concurrently, Pushkin demonstrates a dialectical nature, being both a poet-prophet and a poet-artist. The key connotations of the second model encompass *absolute liberty, delight, inspiration, and the self-sufficiency of poetry*. Pushkin’s legacy in Russian literature has resulted in two distinct streams: educational and aesthetic.

Keywords

myth, poet, prophet, romanticism, discourse, interpretation, the Old Testament, Orpheus, Alexander Pushkin

For citation

Sobennikov A. S. The myth of the poet in Russian literature: Alexander Pushkin. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 3, pp. 125–135. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/88/8

Современный исследователь справедливо заметил: «В науке нет однозначного определения понятия “миф”. Понимая под мифом способ познания действительности, ученые расходятся в осмыслении его формы» [Козубовская, 2011, с. 5]. Мифологическое мышление – это не только форма исторического прошлого. Политика, идеология, культура не свободны от него в любую эпоху. Здесь уместно вспомнить К. Хюбнера: «...многообразные формы мифического мышления продолжают жить в современном духовном мире, для большинства, однако, оставаясь на уровне бессознательного» [1996, с. 6]. Культура в целом и литература в частности принимают непосредственное участие в создании иллюзорного мира мифа. П. А. Плютто рассматривает миф как форму бытия социокультурных иллюзий [2014, с. 161–174]. Но для нас важно то, что миф как «иллюзия» способен приобрести онтологический статус.

Один из самых значительных литературных мифов в нашей культуре – это миф о поэте. В мифопоэтическом дискурсе время циклично: то, что случилось много веков тому назад, проявляется в настоящем и повторится в будущем. В линейном историческом времени, конечно же, неизбежно накопление эстетического опыта, которое ведет к изменению парадигмы. И. Н. Сухих справедливо считает, что в XIX в. русская литература развивалась таким путем: «...мы увидим три сменяющих друг друга (и в то же время сложно взаимодействующих) культурологических образа, три парадигмы, три литературные эпохи, в центре которых: поэт – писатель – литератор. Эпоха поэтов – это пушкинско-лермонтовско-гоголевская эпоха. Ее самосознание воплощено в “Пророке” и “Памятнике”, в “Смерти поэта” и “Поэте”, в “Мёртвых душах” и во многих других произведениях двадцатых – сороковых годов» [Сухих, 2017, с. 25]. Но линейное развитие не отрицает миф, оно может его дополнять, редуцировать, видоизменять, вступать с ним в сложные

диалогические отношения. Формула Е. Евтушенко: «Поэт в России больше, чем поэт» – это о мифе.

В мифе о поэте есть и социально-биографический подтекст, отраженный в известном стихотворении В. К. Кюхельбекера «Участь русских поэтов» («Горька судьба поэтов всех племён // Тяжеле всех судьба казнит Россию...»). Ранняя трагическая смерть А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. Ф. Рылеева, А. И. Полежаева также соответствовала мифу, «священной жертве».

В основании мифа о поэте лежит орфический миф, но миф о поэте к нему не сводится. В орфическом мифе два основных значения: 1) дар, позволяющий разговаривать с богами, влиять на богов и людей; 2) трагическая смерть как плата за дар. Большинство исследователей ищет в творчестве того или иного поэта реминисценции именно из самого орфического мифа, но наш миф иной: он становится фактом биографии, связан с положением поэта в социуме, становится принципом бытия. «Миф как принцип бытия – явление, выходящее за пределы художественного произведения, в реальность жизни и судьбы художника. Романтическое житнетворчество – форма сотворения своей личности, ее пересоздание, усовершенствование, возведение к идеалу» [Козубовская, 2011, с. 7]. Культ поэта и поэзии мы встречаем еще у Карамзина (см.: [Клейн, 2021, с. 25–26]). Ветхозаветные мотивы обличения «человеческих пороков, несправедливости, страстей» можно найти в лирике И. И. Дмитриева, Ф. Н. Глинки и других поэтов – современников Пушкина [Королева, 2019, с. 209].

Миф об Орфее актуализировали романтики. Новалис писал: «Истинный поэт всеведущ; он действительно вселенная в малом преломлении» [Литературные манифесты..., 1980, с. 96]. В эстетике романтиков поэт сродни жрецу: «Поэт и жрец были вначале одно» [Там же, с. 94]. И далее Новалис сближает поэзию (светское) с пророчеством (сакральное): «Чувство поэзии в близком родстве с чувством пророческим и с религиозным чувством провиденья вообще» [Там же, с. 95]. Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» писал: «В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно что-то близкое к библейскому» [Гоголь, 1952, с. 249]. В послании В. А. Жуковского «К Батюшкову» сказано: «Но, ах! Пленен небесным, // Земное позабыл» [Жуковский, 1999, с. 189]. В сходном ключе говорится о поэзии в послании «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»: «...счастлив, кто поэт, // Его блаженство прямо с неба, // Он им не делится с толпой» [Там же, с. 346]. В стихотворении Д. В. Веневитинова «Поэт» говорится:

О, если встретишь ты его
С раздумьем на челе суровом, –
Пройди без шума близ него,
Не нарушай холодным словом
Его священных тихих снов!
[Веневитинов, 1980, с. 58].

Лирический герой (поэт) в элегии Э. П. Перцова заявлял:

Доступны мне все помыслы богов, –
И самый замысл мирозданья,
И тайна злобная гробов,
И ложь житейского страданья
[Перцов, 1989, с. 373].

К. Н. Батюшков в статье «Нечто о поэте и поэзии» (1815) писал: «Поэзия – сей пламень небесный, который менее или более входит в состав души человеческой – сие сочетание воображения, чувствительности, мечтательности – поэзия нередко составляет и муку и услаждение людей, единственно для нее созданных» [1978, с. 20]. Так, задолго до пушкинского «Пророка» в русской литературе формировалось мифологическое представление о поэзии и поэте. С. А. Кибальник говорил о «пророческом каноне» в творчестве декабристов и о споре с ним Пушкина [Кибальник, 1998, с. 81]. Но в аспекте мифа этот спор не существен. Не существенны также тексты поэтов-любомудров и тексты европейских романтиков (см.: [Гинзбург, 1962]). В памяти потомков остались именно пушкинские «Пророк», «Поэту», «Поэт и толпа».

Миф также следует отличать от «образа художника» в творчестве поэта. В письмах Пушкин неоднократно говорит о судьбе русского художника. В ряде его произведений дан соответствующий образ («Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Египетские ночи»), но только в лирике мы найдем материал для мифа¹. «Если в пушкинских письмах отразился трезвый анализ конкретных условий, определявших положение русского литератора, то в лирике образ поэта обретает черты широкого философского обобщения», – заметила Н. Н. Петрунина [1978, с. 35]. По словам В. М. Марковича, пушкинский миф о поэте имел «конститутивное значение для всей русской классической поэзии» [Маркович, 2005, с. 3]. Какие же значения были отмечены исследователями этого текста?

В «Пророке», по словам Т. Г. Мальчуковой, «показаны отношения между взывающим и возвещающим правду человеком, Богом, миром и людьми» [Мальчукова, 2006, с. 208]. С. А. Фомичев писал о «героическом предназначении» поэта в тексте Пушкина [Фомичев, 1986, с. 113]. Миссия поэта – героическая, он должен «глаголом жечь сердца людей», чтобы люди изменили себя и мир. По словам И. Сура, герой Пушкина наделен «даром тайнозрения и тайнослышания» [Сура, 1999, с. 32]. «Художник, отмеченный печатью избранничества, становится пророком в идеальном смысле как орудие постижения абсолюта» [Смирнов, 2007, с. 128]. «Стихотворение изображает глубоко личный внутренний путь поэта, взалкавшего правды и желающего посвятить свой дар служению истине» [Королева, 2019, с. 219].

Существует огромное количество интерпретаций текста Пушкина, есть и такие, в которых отрицается связь «поэт – пророк». Так, например, В. Ф. Ходасевич утверждал: «“Пророк” – отнюдь не автопортрет и не портрет вообще поэта» [Ходасевич, 2000, с. 146]. Н. И. Черняев писал: «Создавая “Пророка”, Пушкин хотел воспроизвести не себя и не поэтов вообще, а величавый образ пророка, провозвестника воли Божьей» [Черняев, 1898, с. 17]. Но для мифа важны не текстологическая основа, не субъективное намерение автора, а бытование текста в культуре, его интерпретация. В случае с «Пророком» побеждает именно она. «Взгляды Пушкина – это символ веры для каждого поэта; отступая от них, он неминуемо впадает в ереси и заблуждения. Поэты могут различаться по свойствам своего таланта, могут быть совершенно противоположны по сюжетам своих произведений, по сфере изображаемой ими жизни; но они все должны быть именно таковы

¹ Самый популярный образ поэта мы находим в «Евгении Онегине», но он дан как антитеза мифу о поэте. О. Проскурин справедливо говорит о «пародийно-полюемическом контексте» этого образа. «Поэт» в мифе фигура серьезная, ирония и пародия ей не свойственны (см.: [Проскурин, 1999, с. 149]).

по умственному и нравственному складу, какими изобразил их Пушкин в своих стих. «Пророк», «Поэту» и т. д.», – писал в конце XIX в. Е. Воскресенский [1888, с. 72].

Поэту дано нечто, что отличает его от «толпы», – слышать глас Бога и доносить его до людей. «Жало мудрая змеи» вместо языка и «уголь пылающий» вместо сердца – метафоры богоизбранничества. В семантике пушкинского мифа следует обратить внимание и на «духовную жажду». Именно она отличает поэта от «толпы», занятой «горшками». В образе «перепутья» скрыта проблема экзистенциального выбора, хотя Пушкин, конечно же, не мыслил своего героя в аспекте экзистенциальной философии или экзистенциальной психологии. Когда серафим коснулся «зениц», они «отверзлись», т. е. открылись для иного зрения, стали «вещами». Пушкинский текст заканчивается иным рождением.

Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»²
(с. 30–31).

Н. И. Черняев заметил: «Нет, кажется, ни одной хрестоматии, в которой не было бы “Пророка”. Нет на Руси ни одной школы, в которой бы он не читался и не перечитывался» [Черняев, 1898, с. 2]. Стихотворения «Поэт», «Поэту», «Поэт и чернь», «Пророк», «Памятник» в XIX в. входили в перечень тем для сочинений учащихся в гимназиях и училищах (см.: [ИРЛ, 1880, с. 188]). Разбор стихотворений «Пророк», «Поэту» и «Памятник» можно найти, например, в «Истории русской литературы» преподавателя 2-й московской гимназии И. Соснецкого [1870]. В «Сборнике литературных образцов в стихах и прозе для заучивания наизусть в гимназиях и прогимназиях» [1890] было несколько стихотворений Пушкина, среди которых «Пророк», «Поэт», «Чернь», «Памятник». И в современном пособии для учащихся читаем: «Так из всей логики развития художественной идеи стихотворения выводится его главная мысль: искусство – не забава, не игрушка и даже не просто художественно совершенное творение. Это особая миссия, которая возложена на поэта и которую он обязан выполнять, как бы тяжело это ни было» [Аристова, 2014, с. 81]. Миф – явление массовое, нужны его носители и трансляторы. Школьные учебники, многочисленные «книги для народа» тоже этому способствовали.

Большое значение имеет и оценка текста авторитетными поэтами-современниками. Пушкинским «Пророком» навеяны строки Лермонтова в стихотворении «Смерть поэта»: «И прежний сняв венок, – они венец терновый, // Увитый лаврами, надели на него». В стихотворении «Пророк» Лермонтов как бы продолжает пушкинский текст, его герой стал провозглашать «любви и правды чистые ученья», но в глазах «толпы» он «глупец», хотел «уверить нас, // Что Бог гласит его устами»³. «Пушкинскому пророку открывается мир в его полноте и необходи-

² Здесь и далее цитаты приводятся по: [Пушкин, 1948], в круглых скобках указаны номера страниц.

³ А. Ямадзи [2018] указывает на связь лермонтовского «Пророка» с еще более ранними «Пророками» В. Кюхельбекера и Ф. Глинки.

мость предназначения нести слово Божие. Лермонтов смиряется с трагическим отторжением себя социумом и со своим одиночеством, изолированностью от людского сообщества ради верности своему внутреннему знанию – “все-веденью пророка”», – отметила И. А. Киселева [2020, с. 121]. Л. А. Ходанен в лермонтовском мифе о поэте выделила евангельское, а не ветхозаветное, начало: «Но у Лермонтова доминирующей в разработке поэтического мифа о пророке является евангельская символика» [Ходанен, 2008, с. 43]. Лирический герой Лермонтова, подчеркивая сакральный характер дара поэта, обращается к нему в одноименном стихотворении: «Твой стих, как божий дух, носился над толпой».

Собственно говоря, именно Пушкин дал два инварианта мифа: пророческий и орфический. Первый восходит, как мы убедились, к Ветхому Завету⁴, второй – к древнегреческой мифологии. В стихотворениях «Пророк» (1826), «Поэт» (1827) дан мотив избранничества поэта, подчеркивается сакральный характер дара, выявляется миссия учительства. Подобно герою «Пророка», поэт в «Поэте» «тоскует» «в забавах мира». Его «лира» названа «святой», а вдохновение – «божественным глаголом».

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел
(с. 65).

В первой белой редакции стихотворение начиналось так: «Пока свободного поэта // Не вызывает Аполлон». Поэт у Пушкина должен быть свободным, свобода становится непременным условием творчества. Вот и в стихотворении «Поэт и толпа» (1828) миссия поэта меняется: поэт должен быть не учителем и пророком, а свободным творцом: «Мы рождены для вдохновенья // Для звуков сладких и молитв»⁵. Стихотворение носит условный характер, в истории его интерпретации об этом часто забывали. Е. Есипов вслед за Г. Ивановым справедливо обратил внимание на то, что Поэт – фигура условная, а само стихотворение написано в форме драматической сценки в античном духе: «Существование дистанции между Поэтом и автором стихотворения должно помочь нам понять, что все утверждения Поэта полемически заострены до крайности, в том числе и завершающее стихотворение четверостишие, давшее в свое время повод говорить о приверженности Пушкина принципам “чистого” искусства» [Есипов, 2005, с. 324]. «Чернь», требующая от Поэта «пользы», может быть интерпретирована в качестве наивного читателя, видящего в Поэте «чародея», а в произведениях искусства ищущая моральный дискурс. В стихотворении «Поэту» (1830) будет сказано: «Поэт! Не дорожи любовью народной». И далее:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,

⁴ Текстуальную близость с книгой пророка Исаяи отмечали многие. Так, Н. Л. Степанов писал: «В “Пророке” передана не только библейская образность и лексика, но и суровая, торжественная интонация речей пророков, скупой библейский синтаксис кратких предложений» [1974, с. 321]. Однако есть и такое мнение: «Пушкин черпал поэтические образы “Пророка” из мусульманских легенд о Магомете» [Черняев, 1898, с. 28].

⁵ О мифологической основе стихотворения «Поэт и толпа» см.: [Кудряшов, 2014].

Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный
(с. 223).

Упомянутые в конце стихотворения «алтарь», «треножник» вводят тему сакрального служения и экзистенциального одиночества («живи один»). Во всех этих стихах поэтическое вдохновение отделяет Поэта от других людей. Поэт – другой, особый, непохожий (см.: [Потапова, 1999]). Его вдохновение (муза) от Бога. В «Памятнике» (1836) будет прямо сказано: «Веленью божию, о муза, будь послушна» (с. 421). В. С. Непомнящий очень точно сформулировал: «Линия “Пророка” раздваивается, как змеиный язык, на два “жала”, которые идут рядом, порой в одних и тех же стихах; одно завершается, заостряется в “Памятнике”»: призвание поэта; другое – личная судьба души – ведет к стихотворению-молитве “Отцы пустынноики и жены непорочны” <...> Поэзия и судьба – и одно, и не одно» [Непомнящий, 1987, с. 441]. «Судьба поэта» ведет нас к биографическому мифу, о котором написано немало⁶. А взгляды Пушкина на поэзию можно (и нужно) рассматривать в аспекте концепции, что и делают пушкинисты. Так, читаем: «Пушкин с предельной силой и ясностью многократно выразил убеждение в том, что поэзия не зависит ни от государства, ни от общества, что у нее нет задач вне ее самой» [Баевский, 2007, с. 62]. Связь концепции с мифом можно представить образно как зерно и колос. Зерно в земле самодостаточно, но только став колосом, оно открыто миру в новом качестве.

Итак, пушкинский дискурс – мифопорождающий. Основные коннотативные значения первой модели: *избранничество, сакральность, ницелюбие, одиночество, учительство, служение*. Вместе с тем Пушкин диалектичен: в нем уживаются поэт-пророк и поэт-художник. Основные коннотативные значения второй модели: *полная свобода, наслаждение, вдохновение, самодостаточность поэзии*. От Пушкина – два течения в русской литературе, условно назовем их «учительное» и «эстетическое». Так, например, Некрасов – это учительное течение, а Фет – эстетическое. В XX в. Борис Чичибабин – наследник «Пророка», а Булат Окуджава – сторонник самодостаточности поэзии. Чичибабин, Окуджава, многие другие поэты и в личной экзистенции следуют логике мифа. Так, богемность – биографическая сторона мифа, в ней выявляется избранничество поэта, его «необыкновенность». Пушкин – мифотворец, он создал образ, а дальше этот образ стал коллективным явлением интерпретации и понимания, он приобрел онтологический статус, вошел в культурное бессознательное.

Список литературы

- Аристова М. А. Анализ произведений русской литературы: 9 класс. М.: Экзамен, 2014. 206 с.
- Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1978. 607 с.
- Баевский В. С. История русской поэзии 1730–1980: Компендиум. Магадан, 2007. 320 с.
- Веневитинов А. В. Стихотворения. Проза. М.: Наука, 1980. 608 с.

⁶ М. Н. Виролайнен в пушкинском биографическом мифе выделила следующие стадии: «Дитя – поэт – драматург – прозаик – историк – общественный деятель – культурный герой» [Виролайнен, 1995, с. 341].

- Виралайнен М. Н.* Культурный герой нового времени // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Академический проект, 1995. С. 329–350.
- Воскресенский Е.* Лирика Пушкина (разбор). М.: Тип. А. А. Левенсон, 1888. 77 с.
- Гинзбург Л. Я.* Пушкин и лирический герой романтизма // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 140–154.
- Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 23 т. Л.: АН СССР, 1952. Т. 8. 815 с.
- Есипов Е.* Поэт, чернь и автор // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 319–332.
- Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: ЯСК, 1999. Т. 1: Стихотворения 1797–1814 гг. 760 с.
- ИРЛ – История русской литературы (для учащихся). Составил А. Кирпичников. 2-е изд. М.: Тип. С. Орлова, 1880. 194 с.
- Кибальник С. А.* Художественная философия Пушкина. СПб.: Petropolis, Ин-т русской литературы, 1998. 198 с.
- Киселева И. А.* «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 1. С. 111–129.
- Клейн И.* При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века. М.: ЯСК, 2021. 464 с.
- Козубовская Г. П.* Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика. Барнаул: АлтГПА, 2011. 316 с.
- Королева С. Б.* Пророческая тема в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк»: диалог с традицией и эпохой // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2019. № 61. С. 206–225.
- Кудряшов И. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Поэт и толпа»: текст и контексты // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 9-2 (41). С. 11–18.
- Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980. 639 с.
- Мальчукова Т. Г.* Лирика А. С. Пушкина (опыты интерпретации). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 262 с.
- Маркович В. М.* Трансформация пушкинского мифа о поэте и поэзии в лирике поэтов ленинградского андеграунда // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2005. Вып. 1. С. 3–14.
- Непомнящий В. С.* Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. М.: Сов. писатель, 1987. 448 с.
- Петрунина Н. Н.* «Египетские ночи» и русская повесть 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. С. 22–51.
- Плютто П. А.* Исследование реальности социокультурного виртуального: опыт анализа социокультурных иллюзий. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 368 с.
- Потапова Г. Е.* К истории одного мифопоэтического сюжета у Пушкина. (Встреча с демоном и встреча с музой в «Разговоре книгопродавца с поэтом») // Вестник РГНФ. 1999. № 1. С. 262–267.
- Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: НЛО, 1999. 462 с.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: АН СССР, 1948. Т. 3. 635 с.
- Сборник литературных образцов в стихах и прозе для заучивания наизусть в гимназиях и прогимназиях, применительно к учебным планам, утвержденным

г. Министерством Народного просвещения 20 июля 1890 года. Калуга: Тип. Губернского правления, 1890. 15 с.

Смирнов А. А. Романтическая лирика А. С. Пушкина как художественная целостность. М.: Наука, 2007. 309 с.

Соснецкий И. История русской литературы. М., 1870. 354 с.

Степанов Н. Л. Лирика Пушкина. Очерки и этюды. М.: Худож. лит., 1974. 368 с.

Сурат И. Пушкин: биография и лирика. М.: Наследие, 1999. 240 с.

Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Изд-во «Пальмира»; М.: Изд-во «Книга по требованию», 2017. 280 с.

Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л.: Наука, 1986. 303 с.

Ходанен Л. А. Миф в художественном мире М. Ю. Лермонтова. Кемерово, 2008. 103 с.

Ходасевич В. Ф. «Жребий Пушкина», статья о. С. Н. Булгакова // А. С. Пушкин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. 704 с.

Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.

Черняев Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «подражаниями корану» (Отгиск из журнала «Русское обозрение» 1897). М., 1898. 75 с.

Ямадзи А. Стихотворения «Пророк» А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Болдинские чтения – 2018. Н. Новгород: НГУ им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 140–145.

References

Aristova M. A. *Analiz proizvedeniy russkoy literatury: 9 klass* [Analysis of works of Russian Literature: 9th grade]. Moscow, Ekzamen, 2014, 206 p.

Batyushkov K. N. *Opyty v stikhakh i proze* [Experiences in poetry and prose]. Moscow, Nauka, 1978, 607 p.

Baevskiy V. S. *Istoriya russkoy poezii 1730–1980: Kompendium* [History of Russian poetry 1730–1980: Compendium]. Magadan, 2007, 320 p.

Chernyaev N. I. “Prorok” Pushkina v svyazi s ego zhe “podrazhaniyami koranu” [Pushkin’s “Prophet” in connection with his own “imitations of the Koran”]. (Reprint from the journal “Russkoe obozrenie” 1897). Moscow, 1898, 75 p.

Esipov E. Poet, chern’ i avtor [Poet, mob and author]. *Voprosy literatury*. 2005, no. 2, pp. 319–332.

Fomichev S. A. *Poeziya Pushkina. Tvorcheskaya evolyutsiya* [Pushkin’s poetry. Creative evolution]. Leningrad, Nauka, 1986, 303 p.

Ginzburg L. Ya. Pushkin i liricheskiy geroy romantizma [Pushkin and the lyrical hero of romanticism] In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and materials]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1962, pp. 140–154.

Gogol’ N. V. *Poln. sobr. soch.: V 23 t.* [Complete works in 23 vols.]. Leningrad, AN SSSR, 1952, vol. 8, 815 p.

Istoriya russkoy literatury (dlya uchashchikhsya) [History of Russian literature (for students)]. A. Kirpichnikov (Comp.). 2nd ed. Moscow, Tip. of S. Orlov, 1880, 194 p.

Khodanen L. A. *Mif v khudozhestvennom mire M. Yu. Lermontova* [Myth in the artistic world of M. Yu. Lermontov]. Kemerovo, 2008, 103 p.

Khodasevich V. F. “Zhrebiy Pushkina,” stat’ya o. S. N. Bulgakova [“Pushkin’s Lot”, an article by Fr. S. N. Bulgakov]. In: *A. S. Pushkin: pro et contra*. St. Petersburg, RKhGI, 2000. 704 p.

- Khyubner K. *Istina mifa* [The truth of the myth]. Moscow, Respublika, 1996, 448 p.
- Kibal'nik S. A. *Khudozhestvennaya filosofiya Pushkina* [Pushkin's artistic philosophy]. St. Petersburg, Petropolis, Institut russkoy literatury, 1998, 198 p.
- Kiseleva I. A. "Prorok" (1826) A. S. Pushkina i "Prorok" (1841) M. Yu. Lermontova: sravnitel'naya semantika motivnogo kompleksa ["The Prophet" (1826) by A. Pushkin and the "Prophet" (1841) by M. Lermontov: comparative semantics of the motive complex]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics]. 2020, vol. 18, no. 1, pp. 111–129.
- Kleyn I. *Pri Ekaterine. Trudy po russkoy literature 18 veka* [With Catherine. Works on Russian literature of the 18th century]. Moscow, LRC Publishing House, 2021, 464 p.
- Kozubovskaya G. P. *Rubezh 19–20 vekov: mif i mifopoetika* [Turn of the 19th–20th centuries: myth and mythopoetics]. Barnaul, AltSPA, 2011, 316 p.
- Koroleva S. B. Prorocheskaya tema v stikhotvorenii A. S. Pushkina "Prorok": dialog s traditsiyey i epokhoy [The prophetic theme in the poem "The Prophet" by A. Pushkin: a dialogue with tradition and era]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2019, no. 61, pp. 206–225.
- Kudryashov I. V. Stikhotvorenie A. S. Pushkina "Poet i tolpa": tekst i konteksty [A poem by A.S. Pushkin "The Poet and the Crowd: text and contexts]. *Modern scientific researches and innovations*. 2014, no. 9–2 (41), pp. 11–18.
- Literaturnye manifesty zapadnoevropeyskikh romantikov* [Literary manifestos of Western European romanticists]. Moscow, MSU, 1980, 639 p.
- Mal'chukova T. G. *Lirika A. S. Pushkina (opyty interpretatsii)* [Lyrics of A. Pushkin (experiments of interpretation)]. Petrozavodsk, PetrSU, 2006, 262 p.
- Markovich V. M. Transformatsiya pushkinskogo mifa o poete i poezii v lirike poetov leningradskogo andergraunda [Transformation of Pushkin's myth about the poet and poetry in the lyrics of the poets of the Leningrad underground]. *Vestnik SPbSU*. Series 9. 2005, iss.1, pp. 3–14.
- Nepomnyashchiy V. S. *Poeziya i sud'ba. Nad stranitsami dukhovnoy biografii Pushkina* [Poetry and fate. Above the pages of Pushkin's spiritual biography]. Moscow, Sov. pisatel', 1987, 448 p.
- Petrulina N. N. "Egipetskie nochi" i russkaya povest' 1830-kh godov ["Egyptian Nights" and the Russian story of the 1830s]. In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Studies and materials]. Leningrad, Nauka, 1978, pp. 22–51.
- Plyutto P. A. *Issledovanie real'nosti sotsiokul'turnogo virtual'nogo: opyt analiza sotsiokul'turnykh illyuziy* [Investigation of the reality of the sociocultural virtual: an experience in the analysis of sociocultural illusions]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2014, 368 p.
- Potapova G. E. K istorii odnogo mifopoeticheskogo syuzheta u Pushkina. (Vstrecha s demonom i vstrecha s muzoy v "Razgovore knigoprodavtsa s poetom") [On the history of one mythopoetic plot in Pushkin. (Meeting with a demon and a meeting with a muse in "A conversation between a Bookseller and a Poet")]. *RHSF Journal*. 1999, no. 1, pp. 262–267.
- Proskurin O. A. *Pojeziya Pushkina ili Podvizhnyy palimpsest* [Pushkin's poetry, or Movable palimpsest]. Moscow, NLO, 1999, 462 p.
- Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 16 t.* [Complete collected works: In 16 vols.]. Moscow, AN SSSR, 1948, vol. 3, 635 p.
- Sbornik literaturnykh obrazov v stikhakh i proze dlya zauchivaniya naizust' v gimnaziyakh i progimnaziyakh, primenitel'no k uchebnym planam, utverzhdenным g. Ministrom Narodnogo prosveshcheniya 20 iyulya 1890 goda* [A collection of literary samples in poetry and prose for teaching on-site in gymnasiums and progymnasiums, applicable to lesson plans, approved by the Minister of National Enlightenment on July 20, 1890].

ples in verse and prose for memorization in gymnasiums and progymnasiums, in relation to the curricula approved by the Minister of Public Education on July 20, 1890]. Kaluga, Tip. Gubernskogo pravleniya, 1890, 15 p.

Smirnov A. A. *Romanticheskaya lirika A. S. Pushkina kak khudozhestvennaya tselostnost'* [Romantic lyrics by A. S. Pushkin as an artistic integrity]. Moscow, Nauka, 2007, 309 p.

Sosnetskiy I. *Istoriya russkoy literatury* [History of Russian literature]. Moscow, 1870, 354 p.

Stepanov N. L. *Lirika Pushkina. Ocherki i etyudy* [Lyrics of Pushkin. Essays and studies]. Moscow, Khudozh. lit., 1974, 368 p.

Sukhikh I. N. *Sergey Dovlatov: vremya, mesto, sud'ba* [Sergej Dovlatov: time, place, fate]. St. Petersburg, Izd. "Pal'mira," Moscow, Izd. "Kniga po trebovaniyu," 2017, 280 p.

Surat I. *Pushkin: biografiya i lirika* [Pushkin: biography and lyrics]. Moscow, Nasledie, 1999, 240 p.

Venevitinov A. V. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Moscow, Nauka, 1980, 608 p.

Violaynen M. N. Kul'turnyy geroy novogo vremeni [Cultural hero of modern times]. In: *Legendy i mify o Pushkine* [Legends and myths about Pushkin]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 1995, pp. 329–350.

Voskresenskiy E. *Lirika Pushkina (razbor)* [Pushkin's lyrics. (analysis)]. Moscow, Tip. of A. A. Levenson, 1888, 77 p.

Yamadzi A. Stikhotvoreniya "Prorok" A. S. Pushkina i M. Yu. Lermontova [Poems "Prophet" by A. S. Pushkin and M. Lermontov]. In: *Boldinskie chteniya – 2018* [Boldin Readings – 2018]. Nizhniy Novgorod, Lobachevsky NNSU, 2018, pp. 140–145.

Zhukovskiy V. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t.* [Complete collected works and letters in 20 vols.]. Moscow, LRC Publishing House, 1999. Vol. 1: Stikhotvoreniya 1797–1814 [Poems 1797–1814], 760 p.

Информация об авторе

Анатолий Самуилович Собенников, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Военного института ЖДВ и ВОСО (Санкт-Петербург, Петергоф, Россия)

Information about the author

Anatoly S. Sobennikov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language, Military Transport Institute of Railway Troops and Transportation Service (St. Petersburg, Peterhof, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 29.03.2023;
одобрена после рецензирования 01.10.2023; принята к публикации 01.10.2023
The article was submitted 29.03.2023;
approved after reviewing 01.10.2023; accepted for publication 01.10.2023